

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 166–174

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 166–174

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-166-174>, EDN: KWIYIM

Научная статья

УДК 070(470.44-25)|1910/1920|:81'38

Жанровая палитра литературных материалов на страницах газеты «Саратовский вестник» 1910-х годов

Е. Г. Елина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего
литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Аннотация. Рассмотрены газетные жанры, в которые облекались литературные материалы в газете «Саратовский вестник» 1910–1913 гг. В это время складывается газетная культура Саратова: структура газетной полосы, ее верстка и расположение материалов, связь визуального ряда и жанровой палитры. В «Вестнике» представлены жанры газетной рекламы, а также хроникально-документальные публикации. Предпочтение факта комментарию свидетельствует о высокой журналистской культуре в «Саратовском вестнике». Газета публикует заметки, фельетоны, письма в редакцию, обзоры. Изобильно представлены жанры, отражающие интерес газеты к литературе и театру. Смерть Толстого и Чехова газетчиками воспринимается как катастрофа, нанесящая удар всей общественной жизни России. В результате рождается жанр патетического некролога. Жанровое разнообразие литературных материалов «Вестника» позволяет говорить о едином контексте газеты, который обеспечивался постоянством авторского и редакторского состава. Нередко литераторы и литература оказываются поводом для разговора о текущей жизни. Проявлением жанровой специфики, отличающей газетную культуру «Саратовского вестника», становится обращение авторов новостных лент, проблемных статей, обзоров политической жизни города и губернии к литературным образам, высказываниям писателей, афоризмам из художественных произведений. Это свидетельствует не только о литературоцентричности авторов «Вестника», но и о том, что газета создавалась для саратовской интеллигенции и людей других сословий, ориентированных на литературу как главный критерий истины. Читательские интенции в «Саратовском вестнике» были одной из форм популяризации газетных жанров, способом их узнавания, расширения границ аудитории.

Ключевые слова: жанры газетной журналистики, «Саратовский вестник», литературоцентричность, газетный контекст, читательские интенции

Для цитирования: Елина Е. Г. Жанровая палитра литературных материалов на страницах газеты «Саратовский вестник» 1910-х годов // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 166–174. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-166-174>, EDN: KWIYIM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre variety of literary materials on the pages of the newspaper “Saratovsky Vestnik” of the 1910s

E. G. Elina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Abstract. The article deals with the newspaper genres, used for literary materials in the newspaper “Saratovsky Vestnik” (Saratov Herald) in 1910–1913. This is the time when Saratov’s newspaper culture is taking shape: the structure of the newspaper page, its layout and arrangement of materials, the link between the visual range and the genre palette. The Vestnik features the genres of newspaper advertisement, as well as chronicle-documentary articles. The preference of fact over commentary testifies to the high journalistic culture in

the “Saratovsky Vestnik”. The newspaper publishes notes, feuilletons, letters to the editor, reviews. Genres, reflecting the newspaper’s enthusiasm for literature and theatre, are presented abundantly. The deaths of Tolstoy and Chekhov are perceived by the newspapermen as a disaster that has hit the whole Russian social life. As a result, the genre of the passionate obituary is born. The genre diversity of the Vestnik’s literary materials suggests a unified context for the paper provided by the continuity of the authors and the editorial staff. Literary figures and literature often provoke conversation about contemporary life. One of the genre peculiarities that distinguishes the newspaper culture of the “Saratovsky Vestnik” is the way the authors of news lines, feature articles, and reviews of the political life of the city and the province, use literary images, writers’ statements, and aphorisms from works of fiction. It proves not only that the Vestnik’s authors were literary-centric, but also that the newspaper was created for Saratov intelligentsia and people of other walks of life who focused on literature as their main criterion of truth. Readers’ intentions in the “Saratovsky Vestnik” were a form of popularizing newspaper genres, a way of recognizing them, and of expanding the boundaries of the audience.

Keywords: genres of newspaper journalism, “Saratovsky Vestnik”, literary-centric, newspaper context, readers’ intentions

For citation: Elina E. G. Genre variety of literary materials on the pages of the newspaper “Saratovsky Vestnik” of the 1910s. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 166–174 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-166-174>, EDN: KWIYIM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Газетные жанры не раз становились предметом изучения [1]. В последние годы исследования газетных текстов в жанровом аспекте проводятся преимущественно на материале публикаций рубежа XX–XXI веков. Это время представляет обширный материал для изучения диффузных газетных жанров, жанровых модификаций и трансформаций. Да и сам процесс жанровой диффузии служит любопытным предметом анализа [2–6]. Относительно журналистики начала XX века современных работ, посвященных проблемам жанра, совсем немного. Следует отметить коллективную монографию, выпущенную ИМЛИ РАН и анализирующую диалектику литературы и журналистики в предреволюционную эпоху [7]. Среди авторов, посвятивших свои работы этому направлению, стоит назвать Г. В. Жиркова [8].

Дореволюционный Саратов представлял собой замечательное явление социально-экономической и культурной жизни России. Достаточно сказать, что по количеству жителей в период с 1897 по 1916 г. Саратов оказался после столиц третьим городом России (в ее современных границах). В Саратове проживало большое количество служащих и интеллигенции. После учреждения университета, последнего, открытого указом императора Николая Второго в 1909 г., и консерватории в 1912 г. значительно выросло и количество учащихся. В начале века в городе появляется электричество, расширяется водопроводная сеть, работает телефон. С 1885 г. в Саратове работает крупный художественный музей.

Очевидно, что в таком городе, который в первое десятилетие XX века называют столицей Поволжья, печатается несколько десятков периодических изданий. Главными

газетами считались ежедневный «Саратовский листок: газета политическая, общественная и литературная» (выходила с 1863 по 1917 г. и в разные годы редактировалась П. О. Лебедевым, саратовским журналистом И. П. Горизонтовым, известным революционером и журналистом П. А. Аргуновым) и газета «Саратовский вестник», тоже общественно-политическая и ежедневная. Она выходила с 1907 по 1917 г. и являлась продолжением издания «Саратовский дневник», который вел свою историю с 1877 г. Издавали «Саратовский вестник» Е. И. Агишева, А. Я. Лопуховский, И. П. Горизонтов, но, пожалуй, самым ярким редактором являлся известный в Саратове редактор, журналист, общественный деятель Н. М. Архангельский.

В статье будут рассмотрены литературные материалы в «Саратовском вестнике» того времени, когда редактором газеты являлся Н. М. Архангельский, а издателем И. П. Горизонтов. Это период с 1910 по 1913 г. Именно трудами Николая Михайловича Архангельского, редактора газеты, и Ивана Парфеновича Горизонтова, ее издателя, складывается газетная культура Саратова. Очевидно, что газетная культура вырастает из целого ряда элементов, ее составляющих. Прежде всего, это сама структура газетной полосы, ее верстка и расположение материалов. Газета «Саратовский вестник» 1910-х гг. использует убогий шрифт, без межколонных пробелов и совсем без фотографий. Видна явная корреляция структуры газеты и жанровой палитры, в ней представленной. Такая взаимозависимость содержательного наполнения номера и его визуального ряда может восприниматься как еще одно свойство газетной

культуры, характерной для саратовской прессы 1910-х гг.

Поскольку каждый газетный номер снабжен мощным рекламным блоком, на газетной полосе представлены жанры газетной рекламы. Обратим внимание на то, что в 1910-е гг. в газете отсутствуют такие популярные сегодня рекламные жанры, как реклама, включенная в редакционный текст, реклама, поданная в традиционном газетном жанре интервью или очерка, реклама, публикуемая в виде письма и ответа на него. Все эти популярные сегодня жанры скрытой рекламы в «Саратовском вестнике» 1910-х гг. отсутствуют. Рекламные тексты подаются открыто, четко, с указанием цены и условий продажи. На первое место по количеству текстов выходят рекламные объявления. Это рекламы товаров и услуг, в первую очередь медицинских. Немало места в «Саратовском вестнике» отведено самому крупному в Саратове торговому дому «Андрей Бендер и сыновья». Публикуются объявления о театральных спектаклях и цирковых представлениях, о ресторанных меню и парковых маршрутах, об услугах студентов-репетиторов и продаже дачи. Помещаются в газете и объявления нерекламного характера: поиски пропавших животных, предметов быта, сообщения о желании приобрести что-либо.

Мощным по объему публикаций и накалу драматизма пластом являются хроникально-документальные рубрики. Здесь мы встречаем и хронику зарубежной жизни, и краткий отчет о событиях, происшедших в России, и собственно саратовские новости.

Важной чертой газетной культуры становится размещение новостей города и губернии в череде российских новостей. Новостная лента чаще всего дается в рубрике «Телеграммы», которые сообщают о съезде горнопромышленников, еврейском вопросе, телесных наказаниях в тюрьмах, выборах в Государственную думу, войнах и революциях. Зарубежные новости 1910-х гг. пестрят сообщениями о выборах в Лондоне и Афинах, холере на Мадейре, отставке правительства в Австрии.

Очевидно, что часть публикаций является перепечаткой из центральных газет, однако многие из этих материалов готовились непосредственно в редакции. Во всяком случае, саратовские новости были написаны саратовскими журналистами. Жанровой особенностью новостной и хроникальной ленты становится нейтральный стиль подачи информации. В новостных материалах не принято

делиться эмоциями, давать развернутый комментарий, прибегать к аналитическим суждениям. На первый план выдвигается фактура, а эмоциональную реакцию ждут от читателей. Предпочтение факта комментарию свидетельствует о высокой журналистской культуре в «Саратовском вестнике».

Вместе с тем другие публикации газеты, в которых имеются притязания на аналитику, свидетельствуют как раз о том, что журналисты «Вестника» были людьми эмоциональными, они не скупилась на выразительные в стилистическом отношении пассажи, открыто выражали собственную точку зрения, активно дискутировали с реальными или потенциальными оппонентами, захватывали читателя запоминающимися образными высказываниями: «Когда небо так синее, а горячее солнце так любовно целует землю, одевая кусты и деревья в яркую зелень и покрывая луга бархатом веселых цветов, не хочется затрагивать старые, покрытые плесенью, вопросы, ворошить архивную пыль и тревожить доисторических людей, каким-то чудом возродившихся и нарушающих весеннюю симфонию красок» [9]¹, – так поэтично начинается памфлет Чужого [Израиль Львович Гарнес] о пагубности бесконечных реформ в сфере образования.

Кроме хроникальных заметок, в которых сообщается о происшедшем событии, называются фигуранты этого события, место действия, журналисты «Вестника» прибегают к жанрам фельетона (как вариант – маленького фельетона), сатирического письма в редакцию, обозрения. Публикуются открытые письма и ответы на них. Практически в каждом номере помещены театральные рецензии и короткие рецензии на книжные новинки. Не обходится газета и без привычного для тех лет жанра святочного рассказа. Отделы «Смесь», «За рубежом», «Последние известия», «Хроника», «Заметки», «Отдел слободы Покровской» позволяют публиковать материалы любого размера (чаще совсем маленькие, на один абзац) и содержания.

Жанровый состав «Вестника» зависит, безусловно, от сути газетного материала и акцентировки отдельных тем. Для «Вестника» такими приоритетными становятся темы, связанные с наукой, научными открытиями и людьми науки. Затрагивая эти темы, журналисты «Вестника» всегда переходят на возвышенный стиль, патетику: «Нет выше праздника, чем праздник науки, нет чище долга, чем долг перед человечеством <...>» (СВ. 1910. 12 янв.).

¹В дальнейшем ссылки на газету «Саратовский вестник» даются в тексте статьи в скобках с указанием года и даты выхода газетного номера. В квадратных скобках указываются фамилии авторов, публиковавшихся под псевдонимом.

Жанровая палитра вестника отражает огромный интерес газеты к вопросам культуры, театральным постановкам и литературе. Самыми частотными упоминаниями в газете 1910-х гг. отмечены Л. Толстой, А. П. Чехов, Леонид Андреев. Смерть Толстого газетчиками воспринимается как катастрофа, нанеся удар по всей общественной жизни России. И снова высокопарные речевые обороты, вполне уместный в данном случае пафос, подчеркивание мысли о всенародном значении смерти писателя: «И обрывочные, лихорадочно собранные газетами в минуту катастрофы сведения о Толстом заставили сердце народа забиться тем могучим чувством, которое сплотило на великих похоронах профессоров с крестьянами, писателей с чернорабочими, аристократов с пролетариатом» (СВ. 1910. 12 янв.). Весь пассаж построен на гиперболических опорах, метафорах и антонимическом параллелизме. Любопытно, что патетика этой публикации в какой-то момент радикально меняется. Автор текста, подписавшийся псевдонимом «Чужой» [Израиль Львович Гарнес] приводит высказывание извозчика, прозвучавшее среди собратьев по профессии, о том, как он усваивает толстовское учение: «Я братцы, уже зарок дал табак не курить, с бабами не возжаться, а вот насчет сквернословия у меня не выходит. Знаю, что все это скверно, что ежели ты человек, то живи по-человечески, но утерпеть не могу: безпременно забуду. Намеднись седок попался лютый, анафема. Все норовит тебя в спину. Я не утерпел, да как загнул, так тот прямо глазища вылупил свои. И присмирел. Двиствительно. Никак извозчику без словесности обойтись невозможно...» (СВ. 1910. 12 янв.). Мы теперь уже не узнаем, реальна ли эта запись или сочинена непосредственно в редакции (настораживает избыточная колоритность рассказа), однако сама мысль о всенародном переживании смерти писателя для газеты становится принципиально важной.

С точки зрения жанровой принадлежности эту публикацию можно определить как патетический некролог, содержащий не только информацию о герое публикации, но и подробности восприятия его жизни и духовного учения в самых разных социальных слоях. Некролог написан спустя два месяца после смерти Толстого, и эта временная дистанция не уничтожает, а, напротив, усиливает трагический флер.

В жанре писем в редакцию авторы сообщают о том, что группы людей в память о Льве Николаевиче отказываются от спиртного и от курения. Так, в одном из номеров газеты некто Г. Егоршин пишет о таких людях, «бла-

говеино чтущих незабвенную память Льва Николаевича Толстого» (СВ. 1910. 12 янв.).

Газета не проходит мимо писательских юбилеев и литературных памятных дат. Поэтому жанр юбилейной статьи становится достаточно частотным. Вестник пишет об А. И. Герцене по случаю 40-летия смерти, а затем по поводу 100-летия со дня его рождения, об А. П. Чехове в связи с его 50-летием, об А. Н. Островском в связи с 25-летием смерти. Газета откликается на годовщину рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина, 25-летие литературной деятельности Е. Н. Чирикова, смерть М. М. Стасюлевича и Н. Н. Златовратского, публикует раздраженное неточностью текста о нем в «Вестнике» письмо В. Г. Короленко и извинения перед писателем, и многое другое. В ряде номеров появляются рецензионные отклики на пьесу Леонида Андреева «Анатэма», которую ругают из-за того, что она вызвала волну самоубийств в стране (СВ. 1910. 21 янв.).

Неослабевающий интерес Н. М. Архангельского и И. П. Горизонтова к литературе позволяет им публиковать о писателях не только сугубо газетные аналитические статьи и рецензии, но и касаться текстологических и источниковедческих вопросов, в газете нередко появляются упоминания об архивных находках. Так, например, со ссылкой на «Русские ведомости» «Вестник» пишет, что до сих пор не опубликованы произведения Салтыкова-Щедрина, которые не печатались по цензурным причинам (СВ. 1910. 19 янв.). Или появляется письмо Толстому, написанное молодым евреем, который хочет отказаться от иудаизма и поступить в университет, с ответом писателя, или дается публикация о Таганроге как одном из важных персонажей чеховских произведений (СВ. 1910. 21 янв.). Такого рода публикации тяготееют к исследовательским жанрам, поднимают уровень газетных публикаций, адресуются к начитанной публике.

Журналисты «Вестника» нередко перепечатывают литературные публикации из столичных изданий с обязательной на них ссылкой, а порой и в рубрике «Обзор печати». По случаю 50-летия Чехова и недавней (7 лет назад) смерти писателя «Вестник» ссылается на «Русские ведомости», которые провели параллель между чеховскими хмурыми людьми и современными умонастроениями: «Но вы берете книжку рассказов Чехова, перечитываете один, почему-либо прежде мало остановивший на себе ваше внимание, и опять прежнее “чеховское настроение” охватывает вас. Опять не можете вы отделаться от чувств странной тоски, опять вы полны сознанием чего-то утерянного, недо-

стигнутого, обойденного. И кажется вам, что это утраченное или недостигнутое составляет настоящую жизнь, действительное счастье <...> В пору особенного торжества пошлости, особенной хмурости окружающих нашу жизнь облаков, справляются теперь поминки Чехова...» (СВ. 1910. 19 янв.). Как видим, это еще один вариант патетической некрологической статьи, в которой основной тон содержит в себе трагические ноты. При этом перед нами разворачивается логика не традиционного некролога, здесь безвременный уход Чехова становится важным, но все-таки поводом для размышлений о писателе. В тексте множество эксплицитных обращений к читателю, адресация к нему, апелляция к человеку, хорошо знающему чеховское творчество. С помощью этих приемов автор делает читателя своим единомышленником.

Жанровое разнообразие литературных материалов «Вестника» тем не менее позволяет говорить о едином контексте газеты. Так, говоря о Чехове, авторы подписанных или безымянных материалов сохраняют доминанту в оценке чеховского творчества: певец сумерек, писатель хмурой действительности, ненавистник пошлости. Эти три основных компонента в различных вариациях присутствуют в каждом газетном тексте, посвященном Чехову. Даже перепечатывая публикации из других изданий, авторы «Вестника» подбирают те материалы, которые соответствуют концепции восприятия Чехова, выработанной газетой. Так, газета печатает воспоминания о Чехове из «Утра России» (СВ. 1910. 20 янв.). Дается пересказ публикации Пешехонова из «Русского богатства» о том, что литературу захлестнула волна пошлости: «За последнее время грань между литературой и уличной прессой совсем стерлась» (СВ. 1911. 26 апр.).

Обращения к чеховским мотивам нужны авторам «Вестника» и в размышлениях-перепечатках об общественно-политической ситуации в стране. В статье «Петербургские настроения» автор В. Португалов [псевдоним не установлен. Революционер и публицист Вениамин Осипович Португалов умер в 1896 г.] отмечает, что все газеты в связи с чеховским юбилеем перешли на мрачные и скорые обобщения. «С сегодняшнего (14-го) числа у нас начинаются тут “чеховские дни”. Будем чествовать Чехова. Теперь ведь его все любят. Теперь никто не хочет прослыть уродом и непрерывно старается славословить покойного писателя. Сегодня уже читаются лекции о Чехове, завтра его будет чествовать местное литературное общество, потом пойдут вечера с участием первоклассных артистов, декламаторов, литераторов и пр. Не знаем, достаточно ли этого. Вялость кругом чересчур

большая, и что-то шаблонное, “обязательное” чувствуется в таких программах...» (СВ. 1910. 20 янв.). Автор пишет, что Чехов не любил шума и помпы, а потому публичные празднества следует сделать более искренними. Обратим внимание на основной смысл публикации, скрытый внешней рефлексией о Чехове.

Подлинный смысл статьи сводится к оценке общественно-политической ситуации и общественных умонастроений. Автор видит в Чехове тот индикатор, который максимально полно раскрывает специфику общественного сознания 1910-х гг. Перед нами газетная статья социально-политического звучания, пронизанная литературными мотивами. Мы предполагаем, что единство газетного контекста обеспечивалось постоянством авторского и редакторского состава, личными и литературными пристрастиями тех, кто делал газету.

С течением времени «Вестник» постепенно уменьшает объем литературных материалов, однако время от времени там появляются публикации, содержащие анализ художественного текста, глубокое погружение в мир писателя. Своей сосредоточенностью на литературоведческом прочтении текста обращает на себя внимание статья Софии Железняк [София Ивановна Гржибовская (Гржибовская-Железняк)] о последних произведениях Л. Толстого. Автор проводит сопоставление повести «Отец Сергей» и рассказа Л. Андреева «Тьма», делая при этом весьма тонкие наблюдения над текстом (СВ. 1912. 14 февр.). Так, в газетный контекст вполне органично вторгается жанр научно-исследовательской статьи. Редакторы и авторы ежедневной газеты, изо дня в день готовящие и публикующие литературные материалы, формировали своего читателя, человека просвещенного, любящего и знающего литературу, способного не только читать, но и интерпретировать прочитанное, чувствовать себя комфортно в мире научного гуманитарного исследования. Именно поэтому газета публикует анализ лекций Л. С. Козловой о Толстом и Наполеоне, а затем – о Короленко (авторы – И. И. и Н. Лузаков).

Жанры научной журналистики оказались востребованы при изложении в двух номерах газеты лекций Ю. И. Айхенвальда, посетившего Саратов и выступившего 19 и 20 января 1913 г. в Народной аудитории. И. И. пишет: «Ю. И. Айхенвальд придерживается эстетико-психологического метода. В этом его сила и его слабость. Там, где можно не вдаваться в анализ социальных предпосылок как взглядов, так и произведений разбираемых авторов, выводы лектора интересны и нередко оригинальны, мысли связываются в цельную, последовательную и довольно прочную систему. Несколько иное впечатление получается,

когда метод применяется к явлениям и таким продуктам творчества, где социальные моменты играют большую роль. Здесь лектор скользит по поверхности жизни, как бы теряется в ее сложности и глубине. Эти плюсы и минусы ярко проявились и в прочитанных в народной аудитории лекциях, сопровождаемых по обыкновению красивым и образным, но несколько расточительным, как бы стесняющим полет мысли, способом выражения» (СВ. 1913. 22 янв.). Газета не раз публикует материалы, используя подобный синтетический жанр: фрагменты научно-популярного изложения, элементы репортажа, аналитическое разгадывание писательского замысла.

«Вестник» не прекращает вести борьбу с плохой литературой, серой, невыразительной, поверхностной. И здесь вновь востребован фельетон. В фельетоне «Заметки читателя» Клод Л. пишет о нескольких крайне слабых в литературном отношении книгах и дает при этом выверенную классификацию писателей: «Груда книг пред нами – поэтических сборников, к которым полностью можно отнести слова Тургенева: “Поэзия и не ночевала тут”. Бытовик-писатель – для яркого очерка нравов, психолог – ради интереснейшего опыта, юморист – для фейерверка острот, – кто угодно может извлечь отсюда, из этих книг, материал для себя – только не библиограф. Если, конечно, этот библиограф – не “сатириконец”, у любого литературного произведения – газетной статьи, романа, стихотворения, дергающий для определенной рубрики “перья из Хвоста”» (СВ. 1913. 19 дек.). К концу 1913 г. появляется рубрика «Заметки читателя», подписанная разными псевдонимами и представляющая собой литературные обзоры.

Литераторы и литература все чаще и чаще становятся в «Вестнике» поводом для разговора о текущей жизни. В связи с литературной датой Евгения Чирикова газета пишет: «Своим юбилеем он словно говорит, что роль русского интеллигента еще далеко не сыграна. Появились новые “инвалиды”, новые опустившиеся на дно жизни, зятянутые ее тиной» (СВ. 1911. 20 янв.) В. Ст-въ. Такие примеры и собственных публикаций «Вестника», и перепечаток центральной прессы формируют газетный контекст, говоря читателю об общественных настроениях больше, чем любая новостная рубрика или проблемная статья на политическую тему. Жанр юбилейной статьи переполняется актуальными социальными и политическими мотивами, которые проецируются на творчество писателя-юбиляра. Так продуцируются новые жанровые образования, свойственные газетной публицистике 1910-х гг.

Среди сугубо газетных жанров «Вестник» публикует и собственно литературные тексты. Так, например, газета печатает стихотворение слепого поэта с псевдонимом «Искра», написанное в стиле Уитмена:

«Мир слепых»
 Наш мир иной – где солнце жарче
 Где чувства пламенней и ярче,
 Где небо глубже, где без глаз
 Мы видим прелесть нежной девы
 Забудьте ж скучные напевы,
 Что мы несчастливее вас
 (СВ. 1910. 17 янв.).

На страницах газеты публикуются стихи (П. Анисимов – СВ. 1911. 29 июня, С. Полтавский – СВ. 1912. 29 марта), прозаические отрывки (П. Прапорщик СВ. 1911. 29 июня, Ив. Сазаков – СВ. 1912. 29 марта), стихотворные фельетоны, подписанные псевдонимом Дизз [Гавриил Валерианович Добржинский].

Особое и очень важное место в газете занимают театральные рецензии. Отклик Н. А. (Архангельского) о «Чайке», поставленной на сцене городского театра, выдает в нем тонкого ценителя чеховской драматургии, того нового драматургического языка, который воспринимался и адекватно интерпретировался далеко не многими современниками: «Здесь больше, чем где-либо требуется дать настроение, т. е. из деталей, намеков, полутонов, недосказанных слов создать цельную картину <...> Пьеса исполнена в мягких, грустных тонах, без драматических выкриков и бьющих на внешний эффект поз. И это хорошо – этим как нельзя лучше почтен был Чехов – враг крикливости и манерности на сцене <...> После “Чайки” поставлен был апофеоз: мимо красиво декорированного портрета Чехова работы Н. Д. Россова дефилировали герои чеховских произведений, образовавшие затем живописную группу. Хор за сценой в это время пел великому писателю славу» (СВ. 1910. 19 янв.). Запоминающейся чертой театральных откликов Н. М. Архангельского становится его постоянное обращение к чеховским текстам, к мироощущению писателя, к его эстетическим принципам.

Рецензия на спектакль по «Ревизору» (подпись Кин) [Вячеслав Николаевич Стечкин], напротив, выдает разочарование автора постановкой и прочтением Гоголя. Текст поставленного в Саратове, в театре Очкина, «Ревизора» в качестве бенефиса актера С. Г. Любимова был переведен, как пишет автор, на малороссийский язык. «Как бы ни был хорош перевод, – сетует Кин, – ему никогда не удастся передать всех красот языка подлинника <...> Перевод придает великому

произведению оттенок излишней упрощенности, не передавая в то же время той особой манеры “изысканно” выражаться, которая так характерна в “Ревизоре” для чиновной братии уездного городка и особенно для “столичной штучки” <...>. Это впечатление от излишней упрощенности и в то же время излишнего подчеркивания еще более давали себя чувствовать от переигрывания, которого были не чужды все исполнители» (СВ. 1910. 30 янв.). Жанровая специфика театральные рецензий, опубликованных в «Вестнике», как и отклики на события литературной жизни, указывает на постоянную обращенность авторов газеты к своему читателю, в котором газета видит равноправного партнера, с которым можно говорить прямо, выдвигая театру, актерам, режиссеру вполне обоснованные претензии, при этом оставаясь уверенными, что читатель поймет, оценит и благодарно примет мнение газетчика.

Роль читателя не стоит умалять и при анализе жанровой специфики газетных текстов. В одной из недавних работ о специфике современных газетных жанров Mast Jelle пишет, что за привычными определениями жанра, за традиционным «прописыванием» газетного текста в жанровой иерархии «скрывается сложное многомерное понятие, которое объединяет авторские намерения или производственные практики, текстовые конфигурации и интерпретации и использование аудитории, вызывая паутину взаимодействий между текстовым и контекстуальным, материальным и нематериальным, последовательным и случайным» [6]. Исследователь дает понять, что читатель в процессе восприятия и интерпретации текста расширяет границы жанра либо трансформирует его. Этот продуктивный посыл должен быть проверен и уточнен на русскоязычных газетных материалах. Однако уже сейчас мы можем говорить, что читательские интенции в «Саратовском вестнике» были одной из форм популяризации газетных жанров, способом их узнавания, расширения границ аудитории.

«Вестник» не проходит мимо крупных событий, связанных с литературой. Это отклик на предстоящий всероссийский съезд писателей и журналистов в Петербурге (СВ. 1910. 31 янв.), сетования на разгул цензуры, но при этом указание на более свободный, чем в центре России, характер провинциальной печати, остающийся оазисом (СВ. 1910. 31 янв.). Обладая характером информационного сообщения, такого рода публикации попадают в соответствующие отделы газеты.

Еще одним проявлением жанровой специфики, отличающей газетную культуру «Саратовского вестника», становится постоянное

обращение авторов новостных лент, проблемных статей, обзоров политической жизни города и губернии к литературным образам, высказываниям писателей, афоризмам из художественных произведений. Надо отметить, что это обстоятельство свидетельствует не только о литературоцентричности главных авторов «Вестника» – Архангельского и Горизонтова, но и о том, что газета создавалась для саратовской интеллигенции и людей других сословий, ориентированных на литературу как главный критерий истины. Авторы газеты хорошо понимают цену и ценность литературной памяти своих читателей. Книжные герои, их поступки и слова становятся для газеты тем объединяющим началом, которое и формирует газетный контекст, и привлекает к газете читателей, чьи взгляды оказываются сродни взглядам авторов издания.

И вот уже из номера в номер о событиях в городе в 1910 г. сообщается в серии фельетонов под общим названием «Шерлок Холмс в Саратове» (подпись «Мы»), постоянным персонажем разнообразных статей и обзоров становится Леонид Андреев и его «Анатэма». В публикации о проблемах саратовского гостиничного хозяйства автор, скрывшийся за литературным псевдонимом «Каменный гость» [Иван Парфенович Горизонтов], восклицает: «Куда, куда вы удалились, златые дни земской весны...». Обращаясь к теме утраченных иллюзий дворянства, автор сетует на то, что тургеневские романы, его литературные типы отошли на задний план, а новая литература потребовала иных героев. Он цитирует Некрасова, поминает щедринского Чумазога, героев-разночинцев русской классики (СВ. 1910. 24 янв.). Газета использует прием запараллеливания литературного сюжета и картинки из городской жизни. Со ссылкой на рассказ Горького «Жалобы» журналист Джо рассказывает трагикомическую историю из жизни современного города (СВ. 1911. 26 окт.)

П. Медведев пишет фельетон о нравах Царицына и прославляет его цитатами из Гоголя и даже берет Гоголя в собеседники: «В Царицыне, одним из первых, я встретил своего доброго знакомого – Николая Васильевича Гоголя. Стоит он на центральной площади города, предупредительно окруженный вонючими ямами и проволочным ограждением. – Это напрасное беспокойство, – сказал мне Николай Васильевич, кивнув бронзовым чепцом на колья и колючую проволоку, – право я не сбегаю. Напротив, лучшего места, пожалуй, трудно было для меня подыскать как этот город. Чудный город! И дома, и плетни, и навоз – все в нем, как в моем Миргороде. Только вместо поветового судьи –

городские судьи, но они точно так же завалены по горло делами местных Довгочунов с Перерепенками. Но моим Перерепенкам куда до царицынских...» (СВ. 1911. 25 янв.). Статьи Л. Толстого о голоде стали поводом поговорить о понимании добра, справедливости, помощи ближнему (СВ. 1911. 9 ноября).

Вместе с тем и редактор, и авторы «Саратовского вестника» весьма требовательны к публике и не хотят прощать ей невежества. В маленьком фельетоне «Аристофан в Саратове» Старый журналист [Николай Михайлович Архангельский], откликаясь на постановку «Афинянки-Лизистраты» (под таким названием вышел спектакль), саркастически обрисовывает причины провала спектакля в Саратове. Главной причиной журналист считает падение культурного уровня в городе, отсутствие у публики навыков эстетического восприятия текста и постановки: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». В гимназиях у нас основательно убили всякий интерес к знанию вообще и к литературе – в частности. И, конечно, мы не виноваты, что мы так колоссально невежественны. Что Перикла мы смешиваем с Периколой, а Шерлока Холмса с шекспировским Шейлоком <...> Хотел было сказать: бедный Аристофан!

Но будет правильнее, если напишу: бедная публика» (СВ. 1910. 6 янв.).

Если внимательно вчитаться в номера «Саратовского вестника», выпущенные в содружестве Н. М. Архангельского и И. П. Горизонтова, мы увидим, насколько они литературоцентричны, как призма литературы позволяет укрупнить политические, социальные, психологические проблемы и обстоятельства жизни губернии в журналистских материалах, как литературная цитата или литературный персонаж подсвечивают весь газетный контекст, как аллюзии и реминисценции из мира художественной словесности позволяют газете достигать адекватного понимания происходящего у своего читателя. Это касается первых двух лет (1910 и 1911 гг.) выпуска газеты талантливым тандемом. Постепенно литературоцентричность газетной полосы уступает место публикациям, соответствующим правилам и принципам общественно-политического издания. Патетичность, метафоричность, художественная образность редуцируются в основном тоне издания. В 1912–1913 гг. публикации о литераторах и литературе становятся не такими частотными, но своей значимости, выразительности и жанрового разнообразия не теряют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тертыйный А. А. Жанры периодической печати. М. : Аспект Пресс, 2000. 320 с.
2. Hiebert R. E., Gibbons Sh. J. Exploring Mass Media for a Changing world. London : Lawrence Erbaum Associates, 2000. 349 p.
3. Ким М. Н. Жанры современной журналистики. СПб. : Изд-во Михайлова, 2004. 336 с.
4. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. М. : Аспект Пресс, 2011. 320 с.
5. Ляпун С. В. Новые подходы к классификации газетных жанров в теории и практике журналистики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 4. С. 72–76.
6. Mast Jelle. News as Genre // Oxford Research Encyclopedias: Communication. Published online: 30 January 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.844>. URL: <https://oxfordre.com/communication/display/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-44>; jsessionid = 3B768E1507EC9817D91E986700A2B001 (дата обращения: 27.12.2022).
7. Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / отв. ред. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М. : ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.
8. Журков Г. В. Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 годов. СПб. : Факультет журналистики, 2011. 291 с.
9. Саратовский вестник. Ежедневная общественно-политическая газета. 1910–1913.

REFERENCES

1. Tertychny A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of the periodical press]. Moscow, Aspect Press Publ., 2000. 320 p. (in Russian).
2. Hiebert R. E., Gibbons Sh. J. *Exploring Mass Media for a Changing world*. London, Lawrence Erbaum Associates, 2000. 349 p.
3. Kim M. N. *Zhanry sovremennoj zhurnalistiki* [Genres of modern journalism]. Saint Petersburg, Mikhailov Publishing House, 2004. 336 p. (in Russian).
4. Lazutina G. V., Raspopova S. S. *Zhanry zhurnalistikogo tvorchestva* [Genres of journalistic creativity]. Moscow, Aspect Press Publ., 2011. 320 p. (in Russian).
5. Lyapun S. V. New approaches to the classification of newspaper genres in the theory and journalism practice. *Vestnik of Adygeyan State University*, 2011, no. 4, pp. 72–76 (in Russian).
6. Mast Jelle. News as Genre. *Oxford Research Encyclopedias: Communication*. Published online: 30 January 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.844>. Available at: <https://oxfordre.com/communication/display/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-44>; jsessionid = 3B768E1507EC9817D91E986700A2B001 (accessed December 27, 2022).
7. *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevolyutsionnyy e'pokhu: formy vzaimodejstviya i metodologiya analiza*. Otv. red. A. A. Kholikov, E. I. Orlova [Kholikov A. A., Orlova E. I., eds. Russian Literature and Journalism in the Pre-Revolutionary Period: Forms of Interaction and Methodology of Analysis. Collective

monography]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2021. 768 p. (in Russian).

8. Zhirkov G. V. *Zolotoj vek zhurnalistiki Rossii: istoriya russkoj zhurnalistiki 1900–1914 godov* [The Golden Age of Journalism in Russia: History of Russian Journal-

ism 1900–1914]. Saint Petersburg, Faculty of Journalism, 2011. 291 p. (in Russian).

9. *Saratovskij vestnik. Ezhednevnyaya obshchestvenno-politicheskaya gazeta* [Saratovskiy Vestnik. Daily sociopolitical newspaper]. 1910–1913 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 03.08.2022
The article was submitted 05.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 03.08.2022